

Урожай батата выдался богатым, но чтобы высадить его по всему Яньчжоу, этого количества было всё ещё недостаточно. Ань Чанцин как раз беспокоился об этой проблеме, когда Чжоу Хэлань, отправившийся далеко на юг, вернулся в Яньчжоу вместе с купеческим караваном и остановился у ворот поместья генерала.

Ранее Чжоу Хэлань вместе с людьми отправился на юг, в Цинчжоу и Юнчжоу, чтобы наладить торговые пути по закупке необработанного фэйцзя. Ань Чанцин не вмешивался в дела с фэйцзяевыми рудниками, поэтому всё это время переписку с Чжоу Хэланем вёл Сяо Чжигэ. Внезапно увидав вернувшегося с караваном Чжоу Хэланя, Ань Чанцин от неожиданности не удержался и повысил голос:

— Хэлань?

Чжоу Хэлань за прошедшее время загорел и стал как будто выше, черты его лица выглядели более точёными и мужественными. Два-три месяца закали на юге придали ему ту самую властную осанку, которую Ань Чанцин помнил по своей прошлой жизни.

Он поклонился, сложив руки в приветствии:

— Ванфэй, Хэлань счастлив сообщить, что выполнил поручение.

На лице Ань Чанцина расцвела улыбка. Он велел слугам отворить главные ворота поместья генерала и впустить караван. Чжоу Хэлань первым делом сошёл проверить груз, и тут Ань Чанцин с изумлением обнаружил, что все телеги каравана доверху забиты бататом.

Заметив удивление Ань Чанцина, Чжоу Хэлань пояснил:

— В прежней переписке с князем упоминалось о намерении широко выращивать батат из Юйцзэ, но в Яньчжоу не хватало семенного материала. Поэтому я попросил нужных людей достать целую партию из Юйцзэ.

В Юйцзэ батат не считался ценным продуктом. Он неприхотлив к почве, прост в выращивании и даёт богатый урожай, из-за чего цена на него всегда оставалась низкой. Простые жители Юйцзэ выращивали его разве что ради пропитания да на корм скоту. Посему Чжоу Хэланю без труда удалось раздобыть с десятков повозок с бататом и переправить их в Яньчжоу.

Глядя на выстроившиеся вереницей повозки с бататом, Ань Чанцин расплылся в ещё более широкой улыбке:

— А я как раз ломал голову над тем, где достать семена.

Отдав приказ отгнать повозки с бататом в сад, Ань Чанцин вместе с Чжоу Хэланем устроился в приёмной за чашкой чая. Один из слуг уже помчался в военный лагерь с вестью для Сяо Чжигэ, и не прошло и четверти часа, как тот во весь опор прискакал обратно.

Сяо Чжигэ размашистым шагом вошёл в дом и при виде Чжоу Хэланя первым делом спросил:

— Есть ли вести?

Чжоу Хэлань кивнул, отослал охрану каравана и, оставив лишь одну женщину средних лет, ответил:

— Да. Но здесь не место для подробностей.

Вчетвером они прошли в кабинет. Ань Чанцин, ничего не понимая, переводил растерянный взгляд с Сяо Чжигэ на Чжоу Хэланя.

Заметив это, Сяо Чжигэ решил сам объяснить:

— Ранее я отправил письмо Чжоу Хэланю с просьбой разыскать в Юйцзэ сведения о племени цзяожэнь.

Южные земли Да Е граничили с Юйцзэ, и у Чжоу Хэланя, отправившегося туда по торговым делам, как раз имелась возможность разузнать что-то в Юйцзэ. К тому же он предан Ань Чанцину душой и телом, а его единственная родственница выздоравливала в поместье князя, поэтому Сяо Чжигэ доверил ему тайну о беременности Ань Чанцина и попросил разузнать о племени цзяожэнь.

Чжоу Хэлань искал информацию, но долгое время безуспешно. Зато его торговля необработанным фэйцзем разрасталась с каждым днём, принося огромную прибыль. Прослышав о личном возвращении Чжоу Хэланя, Сяо Чжигэ сразу понял: тот раздобыл зацепку, иначе не бросил бы южные дела ради поездки в Яньчжоу.

И Чжоу Хэлань действительно кое-что выяснил. Поразмыслив, он произнёс:

— Ранее я тайком перебрался на территорию Юйцзэ и прошёл путь от самой границы до столицы Фулян, притворяясь торговцем. Я расспрашивал жителей, но не услышал ни единого слова о племени цзяожэнь...

Юйцзэ располагался у самого моря, и морских легенд там ходило великое множество. Однако, сколько Чжоу Хэлань ни расспрашивал, слухов именно о племени цзяожэнь ему найти не удалось. Тогда он сменил подход и стал выяснять, не слышал ли кто о мужчинах, способных рожать детей, или об обладателях красных узоров на коже. И эта случайная мысль неожиданно принесла плоды: ему действительно удалось отыскать сведущую женщину.

— Это госпожа Го. Несколько поколений её семьи занимались врачеванием, а её дед когда-то принимал роды у мужчины.

Услышав своё имя, госпожа Го выступила вперёд и смущённо поклонилась. Она была невысокой, с пышными ровными формами и добродушным лицом. Говорила она скупно и, почувствовав на себе устремлённые взгляды троих мужчин, нервно заговорила:

— Да... В детстве я помогала деду врачевать и своими глазами видела, как он принимал роды у мужчины. На шее того человека был красный узор, напоминавший рыбью чешую.

Движение пробежало по лицу Сяо Чжигэ, однако он подавил охватившее его волнение:

— Госпожа знает, как принимать такие роды? И чем они отличаются от родов у женщин?

Однако госпожа Го качнула головой:

— Мне это неизвестно. Я была слишком мала, и дед не позволил мне войти в комнату.

Не дав Сяо Чжигэ потемнеть в лице, она поспешно добавила:

— Но хотя я и не видела самого процесса, позже, разбирая вещи деда, я нашла тетрадь с записями. Там подробно описаны наблюдения во время беременности и сами роды.

С этими словами она извлекла из рукава тетрадь и с некой тревогой передала её Сяо Чжигэ.

Немного подумав, она добавила:

— Описанное в тетради может показаться немыслимым, но это ни в коем случае не выдумка. Мой дед был знаменитым лекарем в Фуляне. Вот только я не унаследовала его таланта к медицине.

Сяо Чжигэ взял тетрадь и бегло пролистал несколько страниц. На одной из них значилось: «Первый день шестой луны. У больного начались роды. Плод находится в чреве, однако мужчина лишён женских детородных органов, и дитя не может выйти наружу. Единственный путь — рассечь живот и извлечь дитя».

И ниже: «Пятый день шестой луны. Вчера больной дал согласие на рассечение живота. В третью треть часа Свиньи больной принял снадобье мафэйсань для усыпления боли. Острым клинком я рассек живот и извлёк дитя женского пола. Новорождённая отличалась от обычных младенцев: её кожу покрывала сорочка. Через два часа сорочка сошла сама по себе. Черты лица девочки были изящнее, чем у обычных детей, хотя ростом и весом она оказалась чуть меньше обычного...»

Взгляд Сяо Чжигэ намертво прикипел к словам «рассечь живот и извлечь дитя». Лишь спустя долгое время он закрыл тетрадь и произнёс:

— Эти записи чрезвычайно важны для меня. Чего бы госпожа желала взамен? Всё, что в моих силах, я готов исполнить.

Госпожа Го оглянулась на Чжоу Хэланя и с запинкой ответила:

— Господин Чжоу обещал мне две тысячи лянов серебра.

Сяо Чжигэ ждал, что она потребует нечто неслыханное, но та запросила лишь две тысячи лянов. Он невольно взглянул на Чжоу Хэланя. Тот подтвердил:

— Всё верно. Младшая дочь госпожи Го тяжело больна и нуждается в дорогих снадобьях. Я пообещал ей две тысячи лянов, и лишь поэтому она согласилась отправиться со мной.

Сяо Чжигэ с облегчением вздохнул и сказал:

— Я прикажу слугам выдать госпоже деньги. Однако нам потребуется время, чтобы проверить достоверность записей, поэтому прошу вас побыть в поместье ещё несколько дней. Как только всё подтвердится, я отправлю людей, чтобы они сопроводили вас домой.

Госпожа Го на мгновение заколебалась, но затем кивнула.

Когда слуги увели госпожу Го устраиваться на ночлег, в кабинете остались только трое. Сяо Чжигэ велел позвать Ху Шифэя, после чего сел и передал тетрадь Ань Чанцину.

В тетради подробно описывалось всё: от первой встречи лекаря Го с беременным мужчиной до момента, когда тот родил дочь и покинул город.

И чем подробнее были записи, тем страшнее выглядел процесс вынашивания и рождения ребёнка. Возможно, связав себя обещанием, лекарь Го не упомянул в тетради даже имени больного. Судя по описанию первой встречи, тот человек был совершенно один и находился в

плачевном телесном состоянии.

Когда он отыскал лекаря Го, шёл уже четвёртый месяц беременности, хотя живота ещё не было видно. Однако тошнота мучила его куда сильнее, чем обычных женщин: в самые тяжёлые дни он не мог проглотить ни куска пищи и питался лишь жидким отваром. Голени его сильно отекали, шаги давались с трудом. К тому же он совсем не выносил жары и целыми днями укрывался в тёмной пристройке.

Ань Чанцин хмуро вчитывался в строки. Пусть у него самого не было тошноты и отёков, но жару он переносил плохо, особенно этим летом. Судя по всему, тетрадь вовсе не была выдумкой.

Из-за прочитанного атмосфера в кабинете стала гнетущей. Когда в комнату поспешно вошёл Ху Шифэй, он застал всех троих нахмуренными и чрезвычайно мрачными.

Сердце у него ёкнуло. Он торопливо поклонился, но Сяо Чжигэ тут же вложил ему в руки тетрадь:

— Посмотри. Правду ли здесь пишут?

Даже не успев присесть, Ху Шифэй отошёл к окну и принялся внимательно перелистывать страницы. Какое-то время в кабинете слышался лишь тихий шелест бумаги. Наконец дочитав, Ху Шифэй с удивлением вздохнул:

— А ведь этот лекарь Го — неординарный человек!

— Записи настоящие? — спросил Сяо Чжигэ.

— Похоже на то, — ответил Ху Шифэй. — Многие описанные здесь приёмы можно успешно применять и по сей день. Однако, судя по наблюдениям лекаря, тот больной изначально обладал слабым здоровьем, оттого и беременность у него протекала совсем иначе, чем у ванфэй. Ванфэй же полон сил и здоров, так что беспокоиться по этому поводу не стоит.

<http://bllate.org/book/18381/1767837>